УДК 316.35:316.6(571.620)

Каширина Лариса Васильевна – д-р психол. наук, профессор, профессор кафедры менеджмента, государственного и муниципального управления ГОУ ВПО «Дальневосточная академия государственной службы» (г. Хабаровск). Тел.: (4212) 32 45 54.

Сидорова Мария Алексеевна – канд. психол. наук, доцент кафедры социальной работы и социологии ГОУ ВПО «Дальневосточная академия государственной службы» (г. Хабаровск). Тел.: (4212) 32 67 54.

L.V. Kashirina
M.A. Sidorova

Socio-psychological states of the elderly people: to the methodology of a study of their social health

This article deals with the theoretical and methodological approaches to the study of social and psychological states of elderly people as their social determinants of health. The author's position based on the results of sociological and psychological studies of the older people’s state of the Khabarovsk territory.

Keywords: social-psychological states, older people, gerontology, social status, social protection.

Социально-психологические состояния пожилых людей: к методологии исследования их социального самочувствия[1]

В статье рассматриваются теоретические и методологические подходы к исследованию социально-психологических состояний пожилых людей как детерминантов их социального самочувствия. Представлена авторская позиция, основанная на результатах социологических и психологических исследований состояния пожилых людей в Хабаровском крае.

Ключевые слова: социально-психологические состояния, пожилые люди, геронтология, социальный статус, социальная защита.

С увеличением продолжительности жизни, возрастанием научных знаний в области геронтологии, социологии и психологии пришло осознание старости не просто как органического умирания, конца жизненного пути, а как качественно новой жизни значительной длительности, полной неожиданных жизненных смыслов и драматических противоречий. Возникла необходимость в социально-психологическом анализе феномена старения как фактора, детерминирующего не только социальную политику, но и индивидуальную стратегию поведения людей.

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 11-13-27005а/Т

В этой связи, исследование социально-психологических состояний пожилых людей расширяет горизонт познания этого сложного и противоречивого слоя общества. Обычно старение рассматривается как один из этапов жизненного пути личности, который характеризуется богатством накопленного в прошлом опыта и имеет ряд новых свойств и признаков, не встречающихся на ранних периодах развития. Пожилой возраст, как и всякий другой, имеет свои положительные и отрицательные стороны, связан с потерями, но имеет и преимущества, предоставляя человеку возможность прожить этот период своей жизни активнее, реализуя интересы, склонности в тех границах, которые оптимальны с точки зрения возможностей и потребностей пожилого человека.

Исследование процесса старения, ставшее предметом изучения различных медико-биологических, психологических и социологических школ, показывает, что в течение жизни наступает определенный момент, в котором процесс развития, т. е. обогащения и усложнения функционирования внутренних органов, а также его соответствующего обеспечения, замедляется, а впоследствии переходит в стадию регресса или инволюции, что получило название «старение».

В проблеме старения актуально изучение социальных факторов, определяющих статус пожилых и старых людей в обществе в связи с историческими сдвигами в трех областях индивидуальной жизнедеятельности: локализация в историческом времени, эффективность в сфере труда, социальные ориентации и функции семьи по отношению к пожилым. Важно изучать их положение (или статус) в обществе, который включает: владение собственностью и доход, стратегические знания, работоспособность, взаимную зависимость поколений, традиции и религию, потери ролей и ролевую неопределенность, потерю будущего.

Эти социальные факторы одновременно являются и теми индикаторами, которые формируют отношение к пожилым людям. В этом случае рассмотрение истории старого возраста будет взаимосвязано с историей формирования отношения к пожилым и старикам со стороны общества. Это отношение хорошо будет согласовываться с теми состояниями, которые вызываются статусами пожилых людей только в том случае, если общество будет понимать особенности этих социально-психологических состояний и придавать им элементы позитивизма.

Изучая эту социальную группу, мы использовали следующую классификацию когорт: «собственно пожилые люди (55 – 64 года); «старые» (65-74 года); «престарелые» (75 лет и старше) [1]. Результаты опроса показали, что доля пожилых женщин превышает долю пожилых мужчин (в зависимости от возраста) и имеет тенденцию к увеличению. Если в возрастной группе 55 – 64 года численность мужчин и женщин отличается незначительно, то к 75 годам половозрастной разрыв возрастает в три раза. Снижение доли мужчин в более старших возрастных группах соответствует общей демографической тенденции.

Мы предположили, что социально-психологические состояния такой большой социальной группы, как пожилые, старые и престарелые люди, имеют свою психологическую специфику и представляют собой переживания, связанные с изменением своего статуса.

В современной геронтопсихологии предприняты попытки построения теоретических конструктов, определяющих самобытность данного жизненного этапа и его психологические корреляты. Существует много теорий, пытающихся объяснить статус и положение пожилых в обществе, те социальные изменения, которые происходят с ними. Так, известны теории разъединения, активности, возрастной стратификации, наименования, социальной девиации; темпоральная теория старости; трансмиссия культуры, разобщенности, модернизации и т. д.

Психологи и социологи называют перемену роли и положения человека сменой статуса. Однако изменения статуса, происходящие в поздней взрослости, имеют ряд существенных отличий. Переход к жизни пенсионера или вдовца (вдовы), так же как и приспособление к ухудшению здоровья, часто служат сигналом утраты власти, ответственности и автономии [2]. С другой стороны, выход на пенсию может означать появление свободного времени, которое человек вправе посвящать своим увлечениям. «Вкладываемый в события – маркеры, или изменения статуса, смысл часто является не менее, а иногда и более важным, чем сами эти события, – пишет Грейс Крайг, – кто-то видит в этом сигнал конца своей полезности, а кто-то рассматривает изменение своего статуса с точки зрения новых возможностей» [3].

Мировая психологическая наука стала проявлять растущий интерес к проблеме старения человека и его состояниям. Однако время поздней взрослости исследовано крайне слабо. Н.Х. Александрова справедливо отмечает: «О личности пожилого человека, его мотивации, эмоциональных состояниях, самооценке, содержании Я-образа в этом периоде жизни человека не существует полных и достоверных данных» [4].

Некоторые исследователи показали, что многие пожилые люди остаются активными и включенными в социальную жизнь. Среди них довольно большое число удовлетворенных жизнью. Есть мнение, что те, кому не удалось достичь «освобождения», счастливы, обладают высоким моральным духом и долго живут. Это противоречит теории социального освобождения о том, что тенденция удаляться от общественной жизни является естественной и необходимой частью старения.

По мнению многих авторов, более корректно говорить о «производственном» (чаще, чем о социальном) освобождении и возрастании социально-экономической зависимости, и в центре внимания должны находиться реалии и обстоятельства жизни при выходе на пенсию. Таким образом, разобществление или освобождение представляют собой один из вариантов поздней жизни. Более того, человек редко освобождается от всех ролей в одинаковой степени. Психологическая свобода и освобождение от

социальных ролей могут не совпадать. Объем независимости индивидуален так же как и субъективные характеристики возраста.

Альтернативой теории социального освобождения является теория активности, которая появилась вслед за теорией разобществления (Havighurst, Maddox, 1994). Авторы этой теории утверждают, что пожилые люди, по сути, такие же, как и люди среднего возраста, с такими же психологическими и социальными потребностями, за исключением неминуемых изменений в биологии и состоянии здоровья.

Снижение социальных взаимодействий в пожилом возрасте является результатом отказа общества от пожилых людей и сопротивления пожеланиям наиболее старых людей. В отличие от теории разобществления этот отказ не обоюдный. Для пожилых людей важно иметь свободу выбора роли. Освобождение дает возможность или обязывает пожилых людей отказаться от существующих ролей, предлагая те, которые они не в состоянии реализовать. Активность (или «сверхурочная деятельность») предотвращает такие последствия, как слишком глубокая изоляция, апатия и бездеятельность [4].

Действительно, более свободный образ жизни с небольшим количеством обязанностей может считаться одним из преимуществ старости. Эта точка зрения лежит в центре теории социального обмена. Согласно Дж. Дайсону (Dyson), теория социального освобождения и теория активности не смогли выделить достаточного количества физических и экономических факторов, которые могли бы ограничить выбор людьми способа жизни в пожилом возрасте.

Теория модернизации объясняет общее ухудшение положения пожилых людей как следствие модернизации общества, что привело к: увеличению численности старых людей и возраста этой популяции, потере стариками работы, дохода и *статуса*, разрушению многопоколенной, нуклеарной семьи; уничтожило ореол старости в смысле мудрости и знания. Однако подтвердить это эмпирически не удалось.

Теория разъединения делает акцент на изменениях в организационной структурированности социальной жизни, выделяя в качестве ведущей тенденцию сворачивания социальных связей и коммуникаций, уменьшения внешних побуждений; фактически это переход от одной социальной позиции к другой. Этот переход (по А. Ван Теннепу) совершается в три этапа: *сегрегация* – отделение человека от старого окружения и разрыв с прошлым; *транзиция* – промежуточное состояние, *«пустыня бесстатусности»; инкорпорация* – последующее включение индивида в свою социальную группу, но уже в новом качестве [5]. «Старый человек, – пишут М.Э. Елютина и Э.Е. Чеканова, – часто застревает на этапе транзиции со всеми вытекающими из маргинального положения позициями, фиксирующимися как разрыв, разлад, надлом, в то же время, состояние перехода как поворотный момент в жизненном пространстве личности содержит в себе ценнейшую возможность личностного роста через реализацию некоего обучающего потенциала» [6].

Наряду с теориями, представленными выше, важно рассмотреть социальные факторы, определяющие статус пожилых и старых людей. В основном, это социокультурные факторы. И. Розоу (Rosow) выделяет в их числе, во-первых, специфику процесса старения. Во-вторых, положение пожилых в обществе, которое включает владение собственностью и доход, стратегические знания, работоспособность, взаимную зависимость поколений, традиции и религии, потерю ролей, ролевую неопределенность и потерю будущего [2]. В традиционных обществах владение собственностью и доход – основа статуса пожилого человека: обеспечение его независимости и безопасности и залог существенной власти над молодыми. Общества, в которых личное богатство играет существенную роль, и признается право частной собственности, позволяют многим старым людям достигать *статуса* «старших». В наше время власть старших над молодыми, которые становятся независимыми в результате получения современного образования, не так зависит от собственности.

Снижение социального статуса пожилых людей связано со второй причиной – физическим ухудшением состояния их здоровья и работоспособности. С возрастом снижаются физические и психические возможности человека. При этом, в результате долгой жизни, как правило, появляются стратегические знания и опыт. «Поздний возраст, как пишут О.В. Краснова и А.Г. Лидерс, может быть тем временем, когда происходит аккумуляция опыта, страхующая безопасность и престиж старых людей» [4]. Однако стремительное развитие общества и научно-технический прогресс обесценили понятие опыта пожилых, который сохранился только в некоторых областях науки и искусства. К сожалению, опыт не всегда эквивалентен знаниям, и пожилым не всегда удается включиться своевременно в социальную эволюцию.

Какие возможности сегодня у пожилых мужчин и женщин? Одна из возможностей – выход на пенсию или опора на ресурсы семьи как единственный источник поддержки. Рост общества «*всеобщего благоденствия*» позволил раньше выходить на пенсию, но не оказал значительного влияния на низкие доходы, типичные для поздней жизни в прошлом и настоящем. Кроме того, не обнаружено каких-либо значительных изменений в паттернах поведения семьи по отношению поддержки своих пожилых членов.

Известно также, что статусные характеристики пожилых людей имеют и гендерный аспект. Так, в литературе известен термин «двойной стандарт старения», который обозначает, что старение имеет различное значение для мужчин и для женщин. В этом смысле социальный статус мужчин зависит от занятости (работы), а женщин – от репродуктивного цикла [7]. И далее этот автор пишет, что ценность женщины «сексуализирована», и это определяет в глазах общества ее позитивный статус в первой половине жизни и негативный – во второй.

Немногочисленные исследования образа «Я» пожилых людей показывают, что большинство пожилых болезненно осознают грубые

негативные стереотипы. По данным С. Кайзер и Дж. Чандлер, исследовавших пожилых мужчин и женщин, было обнаружено, что негативные стереотипы, дающие точные представления реальностей старения, с негодованием и возмущением отвергались или допускались, но только по отношению к другим людям – «неудачникам», «с низким статусом».

В жизни пожилых людей, как и в жизни людей других возрастов, уровень дохода и состояние здоровья – две наиболее значимые переменные, обусловливающие социально-психологическое состояние *удовлетворенности*. Они являются важнейшими составляющими качества жизни, тем самым раскрывая имплицитные (скрытые) возможности статуса.

Согласно выводам зарубежных специалистов, субъективные показатели, такие как: *удовлетворенность жизнью, самоуважение и чувство контроля над жизнью* (последнее относительно недавно вошло в практику исследователей*)* – получили большое значение не только в оценке качества жизни, но и, на наш взгляд, в оценке социального статуса, порождающего социально-психологические состояния рассматриваемой социальной группы. Это подтверждается данными лонгитюдных исследований, которые показали, что у пожилых людей *субъективные представления о ситуации и ее оценка* в большей степени определяют благополучие и удовлетворенность качеством жизни, а значит – и социально-психологические состояния, чем объективная ситуация. Поэтому нельзя измерить качество жизни и социально-психологические состояния на основе экстернально оцененного здоровья или условий окружения без учета оценок индивидом своего здоровья и благополучия.

Удовлетворенность жизнью зависит от оценки прошлого, настоящего и будущего состояний, часто выражается в таких терминах, как «счастье», «благополучие». Она связана с социальным окружением и опытом повседневной деятельности, включая межличностные и семейные взаимодействия. Степень самоуважения связана с социально-психологическими составляющими опыта. Для самоуважения важны мнения и представления индивида об уровне своего успеха в межличностном взаимодействии. На социальном уровне «статус достижения» имеет смысл успеха или неуспеха, а степень удовлетворенности влияет на психологическое состояние индивида. Поэтому степень его благополучия может быть противопоставлена социально-психологическому состоянию.

Два существующих вида субъективных измерений качества жизни очень хорошо согласуются с индикаторами социально-психологического состояния, а именно: первый вид – «удовлетворенность жизнью», второй – «самоуважение». Так, Е. Мерфи, изучая пожилых людей, страдающих от депрессии, показала, что их состояние здоровья связано с наличием бедных социальных взаимодействий. Когда низкий уровень самоуважения «привнесен» из прошлого опыта, это увеличивает уязвимость депрессией в случае тяжелого горя или физической болезни [8].

В позднем периоде жизни человек становится все более ранимым и уязвимым отношениями со стороны кого бы то ни было: государства,

общества, членов семьи и т. д. Так, даже имеющийся геронтологический категориальный аппарат существенно и негативно влияет на социально-психологические интерпретации старости. Однозначное определение старения как процесса сворачивания основных жизненных функций, угасания жизненных сил, патологических изменений психических свойств в значительной степени соответствует конструированию представления о финальном этапе жизненного пути как этапе «доживания», когда нет перспектив, нет возможностей для развития. «Влияние геронтологического категориального аппарата на социальные интерпретации старости фиксируется, – пишут М.Э. Елютина и Э.Е. Чеканова, – на уровне социальной конкретики глубокими сдвигами в системе восприятий геронтологических аттитюдов и мнений, разъединением социального и морального, установкой на неприязнь старости, дефицитом легитимности, который проявляется как нормативная неопределенность. Последняя приводит к состоянию патологического личного беспокойства и неуверенности.

К чему приводит такая «квалификация» старости? Эта социальная группа оказывается в ситуации сужения, а то и лишения жизненного пространства не только в общественном мнении, но и в непосредственном социальном поведении (в ответ на вышеперечисленные установки). Пожилые «оттесняются» от выполнения возможных социальных ролей. Социально-психологическое состояние депрессии, по существу, конструируется социальным окружением, поскольку реальное положение пожилых в современной России является следствием социальной дезинтеграции и отсутствия адекватной оценки старости по шкале социокультурных ценностей. Наблюдается психическая и физическая усталость, уровни которой индивидуальны.

Данный вывод дополняется таким фактом, что в последние годы в нашей стране (по наблюдениям) можно отметить появление социально-психологического состояния эйджизма, когда пожилые люди подвержены оскорбительной демонстрации отношения к возрасту. Эйджизм включает в себя институциональный эйджизм (юридически закрепленную дискриминацию людей определенной возрастной группы) и внутренний эйджизм (обидные, унижающие межперсональные действия, негативные высказывания и поведение, например, игнорирование, физическое или психическое насилие и пр.). Все это вызывает противоречивые социально-психологические состояния этой социальной группы пожилых людей. Жизнь сегодня их ввергает в социально-психологические дискомфортные состояния отчуждения, относительной депривации, приобретенной беспомощности и депрессивного реализма.

Однако следует заметить, что социально-психологические состояния такого рода не являются обязательными для всего сегмента пожилых людей. Пожилые люди подразделяются различными классификациями по критериям направленности личности. Психологическими детерминантами диссонантных социально-психологических состояний пожилых и старых

людей можно считать: отсутствие четкого жизненного ритма; сужение сферы общения; уход от активной трудовой деятельности; синдром «опустошения гнезда»; уход человека в себя; ощущение дискомфорта от замкнутого пространства и многие другие жизненные события и ситуации. Наиболее сильным стрессором в старости является одиночество.

Важно учитывать, что решающим признаком зрелости является сознание человеком ответственности и стремление к ней. В этом возрасте нельзя прекращать усилия к развитию и успокаиваться, иначе – остановка духовного развития, опустошенность. В этом возрастном периоде надо брать ответственность на себя. Старость становится мудростью, при этом, главная психологическая проблема пожилых людей – поиск смысла прожитых лет. По данным И.С. Кона, выделяются такие продуктивные социально-психологические проявления старости, как активная творческая старость, когда человек продолжает интересоваться общественной жизнью, воспитанием молодых, жить полноценной жизнью, не испытывая ущерба. Пожилые люди занимаются тем, на что у них раньше не было времени. При этом, одни из них видят главные свои задачи в решении семейных проблем, другие – только в необходимости заняться своим здоровьем.

Важной социально-демографической характеристикой пожилых людей являются их семейные состояния. В них отражается зависимость между процессом старения личности, ее социально-демографическими характеристиками и завершением семейного цикла. Наиболее актуальным социально-психологическим состоянием этой социальной группы можно признать *потребность в присоединении,* побуждающем завязывать отношения, гарантирующие постоянные и позитивные взаимодействия.

Известно, что успешность личностного и социально-психологического развития человека во все периоды жизни (и особенно в поздние) зависит от того, насколько он сам выступает субъектом, созидателем условий своей жизни. В связи с этим, люди почтенного возраста должны быть активными. «Образование и умственный труд, постоянная тренируемость умственных функций составляют главнейший фактор сохранения жизнестойкости и жизнеспособности, долголетия человека, если этот фактор, разумеется, подкрепляется действием режима жизни, питания и физической работой» [8]. Это интерактивное взаимодействие со своими ровесниками: клубы, «терапевтические отели», «центры временного приюта», «специализированные квартиры», «геронтологические поселения», – образующие нечто среднее между лечебным учреждением и домашним очагом, предполагающие организацию быта на основе взаимопомощи [6]. К этому необходимо добавить посильную общественную деятельность, которая сохраняют статус человека как личности и комплекс ее ролей, детерминируя этим социально-психологические состояния реактивного сопротивления в его позитивном наполнении. Социальная защита людей пожилого возраста – это помощь в саморазвитии, поддержании общественной активности, личностной субъектности.

Литература и источники:

1. Исследование «Социальное самочувствие пожилых людей в регионе», ДВАГС, 1999 г. Выборочная совокупность 605 пожилых граждан трех половозрастных групп: (55 – 64 года), (65 – 74 года) и (75 лет и старше) – стратифицирована по основным социально-экономическим территориям (муниципальным образованиям) Хабаровского края.

Исследование «Состояние и перспективы реализации и использования социального потенциала пожилых людей в развитии региона», ДВАГС, 2011 г. Выборочная совокупность 852 пожилых граждан трех половозрастных групп: (55 – 64 года), (65 – 74 года) и (75 лет и старше) – стратифицирована по основным социально-экономическим территориям (муниципальным образованиям) Хабаровского края.

2. Rosow, I. Socialization to old age / I. Rosow. – Berkeley : University of California Press, 1974. – P. 12.

3.Крайг, Г. Психология развития / Г. Крайг. – СПб. : Питер, 2002. – С. 865.

3. Александрова, Н. Х. Особенности субъектности человека на поздних этапах онтогенеза : автореф. дисс… д-ра психол. наук. – М., 2000.

4. Краснова, О. В. Социальная психология старости / О. В. Краснова, А. Г. Лидерс. – М. : ACADEMIA, 2002. – С. 73 – 74.

5. Тендрякова, М. В. Мужские и женские инициации. (Вариант постановки проблемы) / М. В. Тендрякова // Этнографическое обозрение, 1992. – № 4. – С. 30.

6. Елютина, М. Э. Социальная геронтология / М. Э. Елютина, Э. Е. Чеканова. – Саратов : Сарат. гос. техн. ун-т, 2001. – С. 62 – 63.

7. Itzin, C. As old as you feel // Don`t Feel Old: Understanding the Experience of Later Life / Ed. P. Thompson, C. Itzin, M. Abendstern. – L., 1990. – P. 107 – 136.

8. Murphy, E. The social origins of depression in old age // British Journal of psychiatry, 1982. – V. 141. – P. 135 – 142.

***9.** Ананьев, Б. Г. О проблемах современного человекознания / Б. Г. Ананьев. – М. : Наука, 1977. – С. 215.*